

УДК 821.521-312.9

ББК 84(5Япо)-44

A13

黄金の鳥 八咫鳥シリーズ

KIN NO KARASU

Chisato Abe

Russian translation Copyright is arranged with Bungeishunju Ltd., Tokyo
and Tuttle-Mori Agency, Inc., Tokyo

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Абэ, Тисато

A13 Золотой ворон / Тисато Абэ; перевод с японского
Н.Г. Румак. — Москва: Издательство АСТ, Реанимедиа,
2022. — 352 с. — (Японское фэнтези. Ятагарасу).

ISBN 978-5-17-147015-9

В стране Ямаути беспокойно: окраинные земли подверглись нападению гигантских обезьян-людоедов, а в столице распространяется таинственное снадобье, от которого люди теряют разум. Молодой господин снова призывает на службу своего пажу — ведь на счету каждый человек, а у будущего правителя пока так мало преданных сторонников.

Многие говорят, что появление истинного Золотого Ворона всегда связано со страшными бедствиями. Но это не так. Истинный Золотой Ворон появляется в трудные времена именно потому, что обладает силой спасти от них свой народ.

УДК 821.521-312.9

ББК 84(5Япо)-44

Copyright © ABE Chisato 2014. All rights reserved.
Originally published by Bungeishunju Ltd., 2014
Cover illustration by NATSUKI

© Румак Н.Г., перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ»,

ООО «Реанимедиа ЛТД.», 2022

ISBN 978-5-17-147015-9

СЛОВАРЬ СТРАНЫ ЯМАУТИ

ЯМАУТИ

Мир, по преданию созданный горным божеством Ямагами-сама. Управляет этой страной род Сокэ, его старейшина зовется Золотым Вороном. А власть над землями в разных ее частях поделили между собой четыре аристократических семейства — Восточный, Западный, Южный и Северный дома.

ЯПАГАРАСУ

Обитатели мира Ямаути. Вылупляются из яиц, могут обращаться в птиц, но обычно предпочитают человеческий облик. Аристократов, особенно тех, что живут в Тюо, называют «мия-карасу», что значит «благородный ворон», торговцев — «сато-карасу», то есть воронами-поселенцами, а простой народ из провинции, который работает в поле и занимается ремеслом, — «яма-карасу», горными воронами.

ДВОРЕЦ СЁЁГУ

Дом молодого господина — сына правителя из Главного дома и наследника престола, который станет следующим Золотым Вороном. Сёёгу связан с центром двора — тронным залом, где вершится политика.

ДВОРЕЦ ОКАГУ

Подобно тому как в Токагу живет супруга и наложницы правителя, в Окагу поселяют претенденток на звание жены наследника — дочерей влиятельных аристократов, таким образом представив их ко двору. Обычно ту, на которую наследник обратит свой взор, выбирают ему в супруги. Получив титул госпожи Сакуры, она управляет дворцом.

ПАНИЯЙ

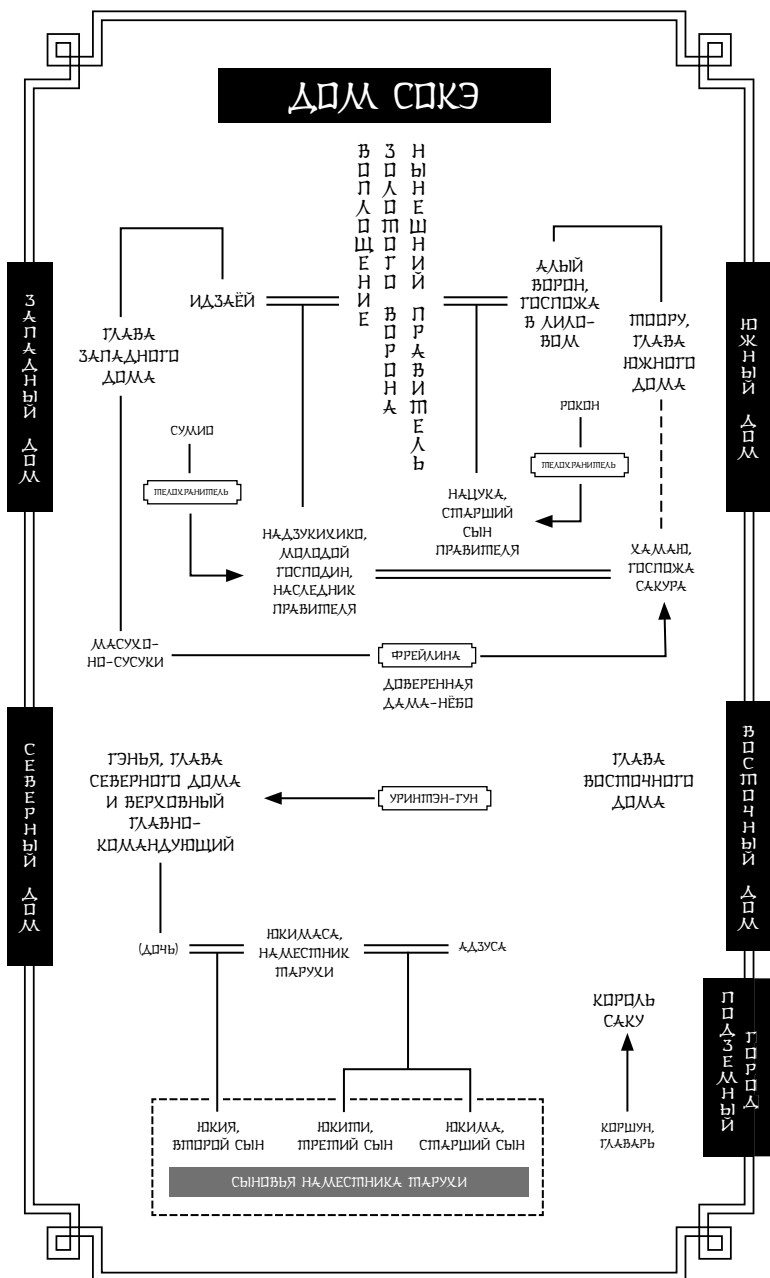
Теневое сообщество, где разрешены веселые кварталы и игорные дома. Полностью самостоятельная организация, существующая отдельно от легального мира, но при этом подчиняется установленным правилам. Главари местных обитателей живут в Подземном городе, куда редко допускают посетителей извне.

ЯММУПИ-СН

Личная гвардия дома Сокэ. Кандидаты в высшие военные чины проходят суровое обучение в академии Кэйсоин, и лишь те, кто продемонстрировал выдающиеся успехи, получают статус телохранителей.

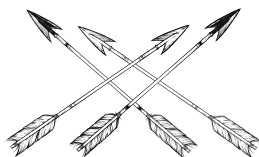
УРИНПЭН-ГУН

Войско под командованием главы Северного дома, созданное для защиты Тюо. Иногда его также называют «ханэ-но-хаяси», Лесом крыльев.

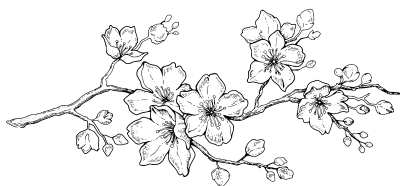

Золотой Ворон —
отец всех ятагарасу и мать им.
Во все времена должен он
с любовью в сердце встать
во главе своих детей,
своего народа.
Какие бы невзгоды
ни ждали впереди, обязан он
защищать свой народ,
направлять и вести его.
Золотой Ворон — предводитель
всех ятагарасу.

*Из «Уложений Великой горы»,
глава вторая,
«Золотой Ворон»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мо, что *она* попала мне в руки, было просто чудом.

— Отнеси-ка это на гору.

Когда мне это сказали, я вытирала стол мокрой тряпкой. Старый стол не отчищался, сколько ни три, а из окна доносился кислый запах: видимо, тошнило какого-то пьяницу. Я с трудом терпела этот пропахший выпивкой воздух.

Забегаловка, где я работала, находилась на задворках квартала рядом с озером. Главную улицу заняли роскошные постоялые дворы, а к окраине прибились в основном заведения для местных жителей и лодочников, трудившихся на озере. Посетители были соответствующие, и ко мне ежедневно приставали нетрезвые мужики. Я все обещала себе уйти оттуда, но при этом думала, что если усердно поработаю здесь, то смогу найти местечко получше.

Так что вполне естественно, что на гору отправили меня.

— В отличие от других, ты отлынивать не станешь. Я ведь могу доверить тебе важную посылку?

Моя хозяйка была скупа и обращалась с нами грубо, но в людях ошибалась редко.

В верхней части города, на горе, куда требовалось отнести посылку, жили аристократы. Часть этого района принадлежала двору, и такие, как я, при плохом раскладе ни за что бы туда не попали.

Я была без ума от тамошней яркой жизни и очень обрадовалась, когда узнала, что смогу побывать в этом месте, так что в приподнятом настроении шла по мосту, связавшему призамковый город Тюо и верхнюю часть горы.

Пройдя через центральные ворота Тюо-мон, я оказалась в совершенно ином мире. Стоило шагнуть за ворота, как сразу почувствовалось, насколько отличался сам воздух. Дороги к купеческим лавкам, где торговали с аристократами, были чисто подметены и увлажнены, чтобы там не поднималась пыль. Запах тоже разнился с застоялым душком в наших забегаловках: здесь хорошо пахло чистой прозрачной водой.

На аккуратно замощенной камнем мостовой стояли великолепные усадьбы, напоминавшие замки. Прохожие проплывали в блестящих, будто глянцевых, одеждах, наверное, сотканых

из шелка. Мимо шли дети аристократов, колыхая роскошными рукавами, болтая и смеясь. Их манеры были до невозможности изысканными, и даже сопровождающие слуги выглядели богато — в местах, где я жила, таких никогда не видели.

Пока я шагала в усадьбу, мое приподнятое настроение сменилось подавленным. Здесь разница в происхождении сразу же бросалась в глаза — пожалуй, в каком-то смысле это было самое безжалостное место в Тюо. Я ужасно жалела саму себя в своих лохмотьях.

Торопясь обратно, я разминулась с девочкой моего возраста, шедшей, судя по всему, со своей матерью. Она была в пышных модных одеждах и с серебряным украшением на голове, сверкающим в лучах весеннего солнца. Поверх алого нижнего кимоно было несколько слоев тонкого шелка с изящно вытканым узором. Девочка напоминала распутившийся утром пион. А на мне — только одно тоненькое кимоно, протертое до дыр в разных местах. Все мои старания одеться получше перед тем, как прийти сюда, в эту минуту превратились в ничто, лишь сделав меня самой несчастной в мире.

Я прошла мимо девочки, глядя в землю. И тут она что-то выронила. Это был великолепный гребень-украшение с перламутровыми полевыми цветами.

А девочка все шла и весело болтала с матерью. На мгновение я чуть не поддалась соблазну. Если не окликнуть девочку, она и не заметит, что обронила гребень. Она так роскошно выглядит, у нее наверняка полно таких. Если я возьму его себе, никому от этого хуже не будет.

Думая так, я вздохнула.

— Извините! Вы уронили! — Я бросилась вслед за женщинами.

Они обернулись, и на меня удивленно взглянули две пары глаз. Казалось, они сейчас скривятся при виде такой замарашки, но девочка, против ожидания, лишь тихонько вскрикнула.

— Ой! Какая я неловкая!

Принимая у меня гребень, девочка коснулась моей ладони. Ее ручка была белой, мягкой, не знавшей никакого труда. Когда она приблизилась, от нее пахло мягким приятным ароматом, и мне тут же стало не по себе: а вдруг от меня пахнет потом, хотя я умылась перед тем, как сюда идти.

— Спасибо! Эта вещь мне очень дорога! — Она беззаботно улыбнулась.

— Аккуратнее! Ведь это купил тебе батюшка!

— Да, простите, матушка, — ответила девочка нахмуренной матери, втянув голову в плечи.

— Ну что поделаешь с этой девчонкой! — криво усмехнулась мать, но ее улыбка стала ласковее, когда она взглянула на меня.

— Большое тебе спасибо. Нам бы не поздоровилось, если бы мы это потеряли.

— Что вы... Такой красивый гребень!

— Правда ведь? Я не хотела сразу его надевать: жалко было, вот и несла с собой. Но если бы потеряла — какой в нем был бы смысл, верно?

Приложив к губам указательный палец, девочка задумалась, потом вынула из волос заколку и закрепила на голове гребень.

— Ну как? Мне идет?

— Очень!

Она вела себя так бойко, что у меня даже в груди кольнуло. Вот уж и правда — обительница иного мира.

Я с деланой улыбкой выдавила из себя похвалу, а беспечная девочка приняла ее очень естественно... и вдруг, ослепительно улыбнувшись, сунула мне в руку заколку, которую только что вынула из волос.

— Это тебе в благодарность за то, что нашла мой гребень. Я думаю, к твоим светлым волосам она подойдет даже лучше, чем к моим. Ну, до свидания! — Она легко помахала мне рукой, развернулась и убежала.

Я рассматривала вещицу в моих руках и еще не осознавала, как мне повезло. Симпатичную заколку покрывал узор в виде цветов яблони с кусочками кораллов в центре. Лепестки будто скрывала дымка: они были прорисованы тонкой серебряной линией, точно вышитые белой нитью, и украшены хрупкими пластинками розовых кристаллов. А вокруг нежно колыхались листочки,

которые становились почти прозрачными, если посмотреть через них на солнце. Серебряное украшение сверкало в моих огрубевших от воды руках и выглядело очень изящно. Казалось, надави чуть-чуть — и заколка сломается.

От восторга хотелось закричать. Торопясь обратно, чтобы доложить о выполненном поручении, я думала лишь о заколке, спрятанной на груди. Буду работать еще усерднее и куплю кимоно, которое подойдет к этому украшению. Нет, заколка не главное. Когда-нибудь я заполучу такой же гребень, как у той девочки, и выберусь из этой мусорной ямы. А если принаряжусь, в меня вполне может влюбиться какой-нибудь юноша из богатой семьи и взять замуж. Я вспоминала молодых людей, которых видела на горе: они были довольно симпатичными. Черты лица у них правильные, а уж сквозящее в каждом жесте воспитание — у нас такого ни за что не увидишь. Да. Выберу себе мужа элегантного, доброго, чтобы любил меня всем сердцем. Вот увидите, я когда-нибудь обязательно стану женой такого человека! Обязательно!

С этими мыслями я вприпрыжку возвращалась домой. Вот и наш район — следующий за переулком, не очень ухоженный. Ветхий домишко, который теперь выглядел еще более жалким оттого, что совсем недавно меня окружали богатые здания, — здесь прошло все мое детство.

— Я вернулась! — с этими словами я раздвинула бамбуковые шторы, но тут же остановилась.

Внутри поджидали неизвестные мужчины неприятного вида. Их было четверо или пятеро. У всех гадко засверкали глаза, и они оглядели меня от макушки до кончиков пальцев на ногах, будто облизали.

Тело пробрал озноб. Я попыталась удрать, но сзади кто-то схватил меня за волосы и потащил в дом. Завизжав, я стала отбиваться, но тут услышала что-то невероятное.

— А ну, тихо! Твой папаша уже взял деньги.

— Будь мужественной, смирись.

— Мы тебя купили.

Вульгарный голос, за ним — голос, полный жалости, и беззаботный голос. Но неровное от возбуждения дыхание сделало их совершенно одинаковыми. Я растерянно смотрела на согнутую спину отца, который выходил за дверь, точно убегал.

Не помню, что я кричала после этого. В памяти только ярко отпечаталось, как раскалывается на кусочки под чьей-то волосатой ногой заколка с цветами, которую я уронила, отбиваясь от мужчин.

Раздавленные цветы яблони. Обломки серебра разлетаются в стороны. Кусочек коралла отскочил от застешки и покатился по полу. Но еще до того, как он спрятался, меня накрыла черная тень, и больше я ничего не видела.

До сих пор не знаю, куда делся тот кусочек коралла.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПАРУХИ

— Юкия, а ну, вставай! Юкию похлопали по плечу, и он открыл глаза. Первое, что он увидел, — лицо матери с морщинками в уголках глаз.

— Доброе утро! — сказал юноша, протирая сонные глаза.

— Доброе. Вообще-то мы уже второй раз здороваемся. Скоро обед! — устало ответила мать.

Услышав это, Юкия захлопал глазами. Он огляделся и понял, что лежит не в своей постели, а у остывшего очага в полу. Из приоткрытой двери приятно поддувало, через щели в черных глянцевого досках проглядывала свежая зелень. Шумных братьев не видно, и вокруг ужасно тихо, если не считать птичьих голосов.

— А где братья?

— Ушли вниз.

— Вниз? А что сегодня такое?

— Как «что»? Вы же обещали помочь мариновать сливы!

Юкия спросонья явно плохо соображал, и мать нахмурилась:

— Ты не заболел, случайно?

Она потянулась к его лбу, и Юкия поспешно вскочил.

— Со мной все в порядке. Извини, что-то я зазевался.

— Правда? Тогда сходи умойся и беги туда.

— Хорошо!

Юкия сунул ноги в дзори*, вышел на улицу и подошел к бамбуковой трубке с родниковой водой**. Умывшись, он заглянул в углубление в камне, где скопилась лужица: завязанные в узел на макушке, слегка рыжеватые волосы торчали после сна во все стороны. Опухшее от долгого сна лицо, которое и так никто не называл бы красивым, сейчас выглядело совсем уж криво.

Кое-как пригладив растрепанные волосы, Юкия с силой похлопал себя по щекам, пытаясь принять надлежащий вид, затем заглянул в главный дом и крикнул матери, которая беседовала со слугами:

* Дзори — соломенные сандалии.

** Полый внутри бамбук широко используется в Японии, в том числе для обустройства родников и источников: вода сбегает по бамбуковому стеблю и скапливается в каменной емкости, откуда ее удобно брать для питья или умывания.